

Герои образуют время. Герои олицетворяют время. Герои для нас и есть время. Непрерывность исторической памяти — непрекращающийся перечень своих героев, чьи имена — как узелки на молитвенных чётках, с которыми народ предстает Богу, творящему «сприсно с нами великая же и неисследованная, славная же и ужасная, их же несть числа». И кого же народ молитвенно поминает в своё оправдание перед Творцом, Царём и Судией? Только лишь тех, кто «витязь, храбрый воин, доблестный воитель, богатырь, чудо-воин»? Нет, конечно же, шире — «доблестный сподвижник вообще, в войне и в мире, самоотверженец» (Толковый словарь живаго великоруского языка В.И. Даля). Ключевое слово: само-отверже-

Василий
ДВОРЦОВ

О нец... Само-отвержение вмещает и подвиг ратника, и подвижничество инок, и наждаду орастая. Слова «подвиг» и «подвижничество» своей однокорёвностью выводят на наше русское историческое понимание равенства жертвы «кровью» и «потом», и это жертвенное равенство в сознании нашего народа свидетельствует о духовном виденных феномена героизма. Духовном. Ведь главное для нас в героизме — в кратком на поле боя или многолетнем в келье или лаборатории — победа над злом, над пороком и грехом. А не разгром соседней ради материального благополучия родных и даже Родины.

Народный герой на Руси — или уже святой, или ищущий святости. Ибо подвиг, как свершение невозможного, есть результат синергии воли человека и воли Божией.

Православный народ своего героя узнает даже под шумом юродства, в самом «неудачливом» и «неуспешном», в ребячливом и дурашливом. И никакой самый дорогостоящий пиар не затемнит, не отведёт глаз народного сердца: самоотверженность есть устремлённость к святости, в которой главный и неизменный образчик — крестный путь Христа на Голгофу.

Но предельно неизменный образ религиозно-народного героя неудобен для использования в привязанной к сиюминутности политике и преследующей пусть долгосрочные, но всё равно сугубо земные, прагматические цели идеологии. И потому идеологические метания вносят искажения в прочтение-раскрытие образов — через литературу и иные искусства — превращение народных героев в героев культурных.

Ярчайшим примером такого ожесточённого изменения-искажения образа народного, т.е. православно-народного героя в стремлении приспособить его для нужд политической конъюнктуры, является Ермак-Василий Тимофеевич Оленин. Фальсификация образа которого, а то и прямая на него клевета, начата была совершенно отрицающими действие Благодати в судьбах мира нашими историками — немцем Миллером и масоном Карамзиным, подхвачена либералами Соловьёвым и Ключевским, и потому продолжена в богоборческий советский период.

Исторический Ермак не годен для живущей конфликтами политики. Никакой конфликтности: ни для политики национальной — сын великоросса и вогулки, по смерти почитаем равно русскими и сибирскими племенами как святой, ни для социальной — простолодин, поднявшийся ратным трудом в сотники с титулом «боярский сын»; ни для политики экономической — служил царю не как наёмник ради мзды, а верой и правдой. Ермак дабы погибает, выступив на защиту ташкентских купцов, которым путь в Москву «запретил» Кучум. И потому в узелки чётки народной памяти определён как герой Православия, чьё служилое подвижничество не меньший подвиг, чем ратная дерзость, определён ещё в 1621 году, когда первый епископ Сибирии Киприан повелел имени Ермака и его победителей товарищей записать в синодик соборной Софийской церкви. Дабы каждый год в неделю Торжества Православия возглашать героям вечную память.

Версии о времени и месте рождения Ермака-Василия различны и равно малоодозвучательны. Поиск истины здесь возможен не в «преданиях старцев», а в логике. Именно в логике произошедшего позже и оставившего материальные доказательства мы должны признать версию рождения Василия Оленина на Северном Урале. Никакой прищипной доносной или волжский атаман не смог бы за пару месяцев спланировать военную операцию, которую блестяще, практически без накладок Ермак провёл в течение года. Косвенно принадлежность к родине на реке Чусовой подтверждается тем лёгким сходжением Ермака в качестве представителя Белого Царя с повелителями угорских

и тюркских родов Оби, Иртыша и Тобола, где его не воспринимали экзотическим иностранцем. А портрет, переданным Ремизову его дедом, участником того славного похода: «вельми мужествен, и человекен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою, возрастом середней, и плоск, и плечист». «Плосколиц», «черн брадою» — это же от матери-вогулки.

Итак, двинувшись мелкими речушками, чтобы разойтись с встречно спускающимся по Оби туманом — 10 000-м войском Мухаммеда-Кули, скрытно перезимовав, весенним полноводьем отряд Ермака нежданно вышел к сибирской столице. Нелзя, невозможно спланировать такой рейд, опираясь только на проводников, без личного знания всех

народцев» (выраженьице С.Соловьёва). Ну, какой «геноцид» можно было осуществлять горсткой бойцов против воинственных местных племён, прошедших школу вековых междоусобий, и никак не являющихся трусами с клеветнической картины Васнецова.

А в самом деле, на чём же строилась власть Москвы в не просто новых, но завершенно иных, *не таких украинцах*? Проникшая вглубь неизведанных земель небольшая дружина славян, с доведом из фрязин, франков и прочих «немцев», одинаково чуждая для племён угров и тюрков, одинаково всем чуждая по крови, не могла исползовать в своих интересах местное этническое противостояние. Исповедуемое христианство не

...С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий...

...В мечтах напомним славу он...
Александр Сергеевич Пушкин о рылеевских «думах» отзывался гениально точно: «Национального, русского нет в них ничего, кроме имени». А на полях прочитанной тетради начертал «дрань», и в конце утвердил «совершенная дрань!».

И понятно, что Пушкин имел ввиду не силлаботонику: неинного позже уже славянофил Кириша Данилов великолепно симитировал якобы народную былинку собственного авторского сочинения о «взятии Сибири Ермаком», но он так же не поймал главного — религиозную основу идеи русского подвига — самопожертвования Православной Родине. Карамзин властвовал умами: о том же, и с тем же небрежением к историчности, трагедия Алексея Хомякова — «Но он преступник, он убийца; О нем и плакать мне нельзя». Так же о «русском конквистадоре» роман Павла Свиньина «Ермак, или покорение Сибири» и драма Николая Полякова «Ермак, или Волга и Сибирь». Отдельно от всех вспоминает о долге героя перед Отечеством и Богом драматург Пётр Плавильщиков, наверное, за это ныне и забытый.

Страсть тщеславия, как главный стимул «взятия Сибири», приписываемый Ермаку аристо-

мьянем ещё драму воспитателей свобод Николая Полякова «Ермак, или Волга и Сибирь» и поэму Александра Шишкова «Ермак».

3. *Революционеры-террористы*
В Российской империи к власти рвался капитализм. Революционеры-террористы для оправдания идей бомбометания и стрельбы в невинных людей также требовалось обеспечение народного сочувствия — они же «народная воля!» И образ Ермака из славолубца — через своевольника — перелицовывался в образ откровенного преступника, «Каспийского пирата». Именно тогда — и до современных школьных учебников — имя героя святого подвига уравнивали в общественном сознании с антихристом Стенькой.

О различии героя народного и культурного

Ермак. Народное почитание и политическая эксплуатация образа

тонкостей маршрута. Ну какой волжский или донской атаман смог бы простроить тысячеверстовый поход по осенне-мелким, с волоками-перетасками, речкам, да так, чтобы не потерять ни одного ни пуда пороха и свинца, ни меры муки, И, главное, — какой прибылой военачальник смог бы заложить в план тайную зимовку для восьмисот бойцов, чьорые их не нашли, не заметили местные охотники и рыбаки, и не оповестили своих князей?

Сохранить в тайне зимовку восьмисот человек — это, действительно, неразрешимая загадка для несибиряков. Даже если разбить отряд на три-четыре стана, то всё равно получаются слишком большие таборы, чтобы к весне они не выдали себя. Как же Ермаку удалось? Ответ — «яплын-ма». Священные земли, запретные для посещения, прохождения, а тем более для охоты и рыбалки, тайные урочища. Ни ханты, ни манси, ни даже татары, никогда не заходили в яплын-ма. Мог ли дончак или волжанин знать про эти места — излучины, лощины, сопки и останцы, главное, знать — где эти места, которых каждый род утаивал даже от соседей.

Далее. Я следую версии историка Руслана Григорьевича Скрынникова: Ермак-Василий Оленин десять лет отвоаял под знамёнами великого страста князя Дмитрия Ивановича Хворостинина — с битвы при Молодах 1572 года по 1581 год, когда «сотника Ермака Тимофеевича атамана казачьего» в докладе королю Стефану поминает командант Могилёва Стравинский. Здесь объяснение — почему именно Ермак командирруется из воюющей на Днепре армии на Яик нанять провинившихся нападением на башкирских послос казаков для похода на Кучума: князь Дмитрий Иванович Хворостинин и Аника Фёдоров сын Строганов были братьей «малой опричнины» первого набора, доверительно звавший друг друга.

Почему Строгановы обратились с предложением не к самому царю, а к его воеводе? Точнее, почему воевода не перенаправил их прошение к царю?.. Ну, долгая тема — причина уже отработала своё. Не для этой статьи.

Для нас важно: только многолетняя царская служба объясняет последовавшее поведение Ермака. Ну, не был он вожаком-атаманом вольных яицких-волжских-донских казаков, не желавших служить царю, а промышлявших разбоем вдоль границ с Персией и Османской империей. А покор за мзду и дуван равно легко нанимавшихся и к крымскому хану, и к польскому магнату. Сотник же и боярский сын Ермак-Василий Тимофеевич Оленин убеждённо, умом и сердцем являлся верноподданным государевым слугой.

Притом Ермак одновременно и атаман казачий. То есть, «голова, старшой и вожак», избранный на воеводство товарищами по оружию. Такой знак народного доверия важен был в переговорах по найму охотников из казаков, государевых приказов не признававших. И сработало: две казачьи станции — двести пятьдесят сабель Ивана-Голыца и двести Александра-Черкаса пошли за Ермаком, и были впоследствии прощены и награждены царём. А вот отказавшуюся «воровскую» станицу Богдана Барабаша стрельцы казнили без пощады за побитых послов Большой Ногайской орды.

Бог благословил поход дружины Ермака-Василия, и небольшая спеоперация перевернула мировую историю — кто сейчас представит Россию без Сибири и Дальнего Востока? Поход малой дружины оказал влияние на судьбы мира гораздо более, чем Куликовская битва и Бородинское сражение. Это подвиг явно святого, боготомеченного человека.

Далее. Будь Ермак просто наёмником, то отчетливо, взрав богатый ясак, он не сбежал, не отступил за Урал, а стал исполнять административные обязанности наместника крестьянского Белого Царя? Обязанности!

В неоснащённом веке европейские и, с подачи иезуитов, оседлавших образование в России, российские историки начали сочинять клеветы о русском терроре в Сибири и о геноциде «диких

позволяло ожидать добродушия от упрямых язычников и мусульман-неофитов. Так на чём же ставил свою славу Ермак?

По тем временам наместники и сменявшие их поместные воеводы утверждались царём и боярской Думой на два-три года. Как правило, это были отставные служилые люди — родовые бояре, дворяне и выслужившиеся дети боярские. Служили за оклад — дабы не торговали и не побирались. Наместники вели военные, управленческие, стражные, судебные и налоговые дела, при том, что наказания и указы из центра зачастую присылались с таковыми уточнениями: «как буде пригоже», «смотря по тамошнему делу», и — «как Бог вразумит». Последнее не курьёз времени, не глупость безграмотных дьяков приказных избы: при тогдашней неразработанности государственного законодательства нехватка законов гражданских и уголовных восполнялась законами веры.

Так Православное Государство вполне рационально полагалось на богобоязненность своего православного представительства, согласующего свои поступки с законами Евангелия и совестью. И история свидетельствует: эта православная совесть, ливая рассудительность в местах тюркских, угорских, черкесских — мусульманских, буддийских и языческих — воспринималась местными как убедительно справедливый закон «крестьянского Белого Царя».

Так что православное суждение о добре и зле — справедливость «крестьянского Белого Царя» — было единственной основой Ермаковой власти в Сибири.

Преображение вольных казаков и наёмников в верно-подданных государевых слуг — точно так же религиозный подвиг Ермака-Василия Оленина. Преображение человека невозможно без благодати. Тем паче, преобразование сознания у таких людей, ох, своевольных, ох, негибких, чтобы они что, исполнили обещанное на Чусовой и получили долю добычи бойцов? Ермаковцы продолжили гибнуть от подлых засад и заманных предательств, от лютых холодов, безвременных метелей, от цинги. Но держались друг за друга, держались друг другом. Чем вызывали уважение и благоговейное признание их силы у местных народов. Силы русского Бога. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф.5:14-16).

Написано о Ермаке много. Поэтому легко проследить превращения героя народного в героя культурного в связи с переменами политических доминант культурного общества.

1. *Масоны-деворяне*
Впервые образ народного героя Ермака-Василия попытались использовать в своих интересах авторы масонской литературы (по определению Ю.М. Лотмана «декабристской литературы»). Так под пером больного честолобца и русофоба Кондратия Рыльева, уверенного в том, что «в мире не существует хороших правительств, за исключением Америки», народный герой из православного слуги православному государю вдруг становится таким же, как сам автор, тщеславным безумцем:

Ко славе страстно дыша,
В стране суровой и урковой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, обаятый думой...

кратами начала века девятнадцатого, аукнется аж в советском двадцатом, где в псевдоисторическом романе Василия Гнутава «Подвиг Ермака» герой закликает казаков-разбойников: «...в Сибири мы найдём кров и пищу, и славу добудем!». «СЛАВУ» — как же без неё казакам, особенно современным!

2. *Демократы-разночинцы*
Однако уже к середине капиталистического девятнадцатого века российский литературу, которая у нас выполняла роль социально-философских и политических трибун, захватывали демократы-разночинцы. Вызревшая классовая идеология требовала иных мотиваций для подвига. Теперь смерть за пределами «беспросветной царской тираннии» полагалась не ради славы, а как побег из-под власти кровавого беззудца в СВОБОДУ. Показателен эпиграф к роману Николая Пазухина «Ермак — покоритель Сибири»: «Великий, где б ты ни родился ... но ты великий человек, пойдёшь в ряды с полубогами...». Так разночинцам история России виделась уже через работы Соловьёва, у которого покорение «диких народовцев» оправдывалось как «бремя белого человека».

Параллельно с фантазиями о герое-либерале сотворялась ложь о «природных свободах» на имперских *украинах* — Дмитрий Давыдов, тоже дума «О покорении Сибири». Ложь наглая, ибо в реальности того времени эти граничные *украины* жили работорговлей и уголовной деспотией. По-

обслуживании марксистско-ленинской идеологии — которая где сегодня? — у Евгения Фёдорова Ермак, как бунтарь-уголовник, просто обязан был «подломить» монастырь в жажде игуменской казны. С избиением самого игумена. Иначе какой же он предтеча Халтурина и Свердлова? Будем надеяться, что тому идеологическому периоду поставил точку мифический киносериал Ускова и Краснополского.

Сегодня образ Ермака-Василия Тимофеевича Оленина уже не искажают, не фальсифицируют, сегодня образ народного героя туло оксерируют с позиций национализма, как в Азиатской России, так и в Казахстане. Для чего наваленные за двести бунтарских и богоборческих лет на образ Ермака искажения и фальсификации используют как «факты», как «историческую доказанность», как «само собой» и «всем же известно». Заданная иезуитами, подхваченная либералами и продолженная коммунистами антиправославная историческая парадигма с кощунственной клеветой «имперского угнетения малых народов» сегодня стала основой для националистических сепаратизмов, угрожающих целостности нашего Государства.

Но всякие клеветы рано или поздно сгорают в свете Правды. Сгорают и эти, ведь уже 303 года в неделю Торжества Православия возглашает Русской Православной Церковью Василию-Ермаку и его товарищам вечная память.

Трудная, почти непосильная задача — писать о таком многогранном человеке, каким остался в истории русской советской литературы сибирский классик Иван Иванович Молчанов-Сибирский. Настоящее многостороннее талантливое личностное, что не хочешь, да удивившись тому, как щедро свыше пощелованы Богом такие люди! Детский писатель, журналист, публицист, очеркист, военный корреспондент, майор, создатель одной из основных писательских организаций не только Сибири, но и всего русскоязычного пространства, наставник талантливой литературной молодежи, организатор и участник богатого на события литературного процесса Сибири и России, любящий муж, заботливый многодетный отец... Всё это о нём, Иване Молчанове-Сибирском! Хотя вряд ли всё, это лишь то, что приходит на ум в первую очередь...

Вышедший недавно трёхтомник его избранного творческого наследия, весомый во всех отношениях, убедительно даёт понять глубину и масштаб этой личности и вклад в литературу. Издание осуществлено по решению издательского совета Иркутского Дома литераторов при финансовой поддержке министерства культуры Иркутской области.

Помимо интереснейшего литературного материала по самым разным жанрам собраны уникальные фотографии... Хотел написать — из семейного альбома. А потом подумал и понял — для

Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского вся литературная Сибирь была любимая, как родная семья — и отчески, и по-сыновнему.

Для меня как читателя ощутить через расстояния и годы душевную неразрывность с многосторонним творчеством Ивана Молчанова-Сибирского помогли его стихи. Его стихи о природе и селе, которые словно вернули меня в то за-

байкальское детство, из которого мы оба родом.

Подбрось в костер немного веток,
Пряля на жесткую траву
И слушай, слушай до рассвета
Таёги суровую молву.
Здесь пахнет вереском и смолью,
И свежестью байкальских вод.
С какой-то непонятной болью
Кричит далёкий пароход...

Крик повторяется
стогласно,
Пока не улетит в тайгу,
И звезды, падая,
не гаснут,
Горят на дальнем
берегу...

Стихам дано исключительное право на исповедальность, поэтому они открывают порой своего создателя с неожиданного ракурса. Успешный в профессии и деятельный в жизни и в общении, оптимистично мыслящий человек-горожанин вдруг предстает в своем поэтическом творчестве романтичным созерцателем природы, через которую осмысливает активность проживаемую современность и ностальгирует по той сельской реальности, из которой когда-то ушел в большой городской мир.

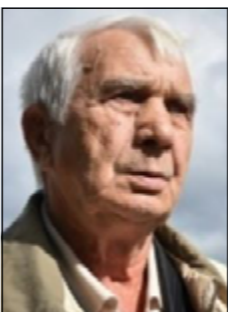
Скучно в городе.
Шум перелетчатый,
Словно кашель,
засевший в груди.
О, скорей бы
к родному заличику,
В старей домик
на Черной пади.
Больно режет глаза
мне витринами,
Ветер гневно
срыгает плакат.

Посмотреть бы, как ТАМ —
над вершинами —
Гаснет радужный зимний закат.
Проводами, как будто тенетами,
Город спутан... Заполнен в гранит.
Хорошо — за пустынными горами —
Волны моря о скалы граниты.
Режет волны лодочка смелая,
Смутный берег маячит вдали.
А луна, в эти горы влюбленная,
Золотит серых туч корабли.

Улыбнется рассыпчатым золотом,
Заурсут и глядит из-за туч.
Позови в этот край меня, молодость!
Я ещё и красив, и могуч!..

Ностальгия по морю, по его вольной стихии? Несомненно. Но она усилена многократно ностальгией по детству, прошедшему вдали от городов. По тому детству, что и сделало когда-то обычного на вид мальчишку — поэтом. Даже став горожанином, этот поэт понимает, насколько город небезопасен для села, если любовь к сельской глубинке не поддерживать в душе народа. Понимает, что город все более становится заложником цивилизации: опутанный тенетами проводов, словен плениник, он кичится красивыми витринами, но на поверку это витрины для купли-продажи. Стихотворение, которому не менее полувек, написано словно бы на перспективу и сегодня звучит донельзя актуально. Современные города, превратившиеся в человеичины, стали во многом скоплением одиночеств, местом купли-продажи, когда витрины уже не просто «режут глаза», они претендуют на то, чтобы быть украшением. Стихотворение, написанное как лирически-ностальгическое, на самом деле является пророческим на будущее для нашей цивилизации. Город, как сын, не помнящий сельского родства, все более рискует стать врагом села.

Что ты ходишь за околицу
Неустанно каждый день,
Где согнулся, словно молится
Перекошенный плетень?

Через лысую прогалину
На заброшенный погост.
Там часовенка забытая
Робко скрылась за сосну,
Здесь ты хочешь горе вытаять,
Выплети сердца плутину.
Не проси прощенья строгого
Непреклонного Творца,
Что пошел отец дороною
Пролетарского бойца...

Мать, выходящая на дорогу встречать сына. Этот образ был когда-то введен в русскую поэзию Есениным в его знаменитом, ставшем романсом, стихотворении. У Ивана Молчанова-Сибирского мы видим продолжение этой истории. Уже не мать встречает сына, но жена ждет мужа, которого революция увела из семьи и бросила в круговорот жизни... И снова тут читаю поневоле противостояние города и деревни, где жена — деревня, а муж — город, хотя и пронизывает стихотворение гордость жены за мужа... Но настоящее стихотворение есть дитя поэзии, и потому просачивается сквозь авторскую творческую волю воля другая, я бы назвал её волей художественной достоверности, управляющий поэтом, хочет поэт того или нет. Ведь явно Ивана Молчанова-Сибирского не называть противником происходящего в стране. Он не просто писатель, сочувствующий современности, он по жизни активный участник всего происходящего в стране, причем, его участие — идущее от

Эдуард
АНАШКИН

«Когда»

Ты куда
идешь —
печальная —
Через
старый-старый
мост,

глубины души. Он налаживает литературную жизнь в стране, идет фронтовыми дорогами второй мировой войны, к штыку приравняв перо...

Все это так, но поэт в Иване Молчанове-Сибирском оказывается сильнее его гражданской любви к современности. Оттого и звучит в стихотворении грусть: перекошенный плетень да заброшенный погост, да стоящая на их фоне жена. Это ли не художественная достоверность, это ли не неизбежная плата за победы — плата, о которой большинство людей в обычной жизни мало задумываются. А вот поэты думают об этом. Они ведь и приходят в мир, чтобы напоминать людям про небесную плату за земные победы.

Гора, за ней есть гора
Сплотили тесно плечи.
И мчтся, стонет Ангара
Совсем по-человечки.
И каждый день, и каждый год,
Упрямо камни гложет,
И синих вод упрямый ход
Скала сдержат не может.
В ней смотреться — не устать,
Не разлюбить шальную...
Ломает часто грубь моста,
Грызет канато сбрюю.
Утесы — грузные быки
Стоят, разинув пасти.
И знают наши рыбаки:
Таught река настаит.
Алмаз блеск на шиверах,
Цветет, иерает пена...
Зато сурово порой
Не вырваться из плена...
Говорит людям правду — нужно мужество, чтобы в нужный момент оружие